

держание эпоса. Интерпретация значительно развивает и расширяет рамки традиции, тем самым давая новую жизнь эпосу.

Таким образом, можно сказать, что сегодня проявляется тенденция превращения устного эпоса в эпос литературный.

Литература

1. Валиханов Ч. Очерки Джунгарии [Текст] / Ч. Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. – Алма-Ата, 1958. – С. 258.
2. Поливанов Е.Д. Вводные замечания к переводу «Манаса» [Текст] / Е.Д.Поливанов // Лит. Узбекистан. – 1936. - №2. – С. 145.
3. Айтматов Ч. Об эпосе «Манас» [Текст] / Ч.Т. Айтматов // Слово Кыргызстана. – 1995. - 26–28 авг.
4. Валиханов Ч.Ч. Смерть Куко-тай хана и его поминки: (Отрывок из героической саги дикокаменных киргизов «Манас») [Текст] / Ч. Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова; под ред. Н.И. Веселовского. – Спб., 1904. – С. 208-222.
5. Наказ Алмамбета Манасу: Отр. из кирг. нар. Эпопеи «Манас» (из эпизода «Великий поход» / Вольный перевод проф. Е.Д. Поливанова [Текст] // Сов. Киргизия. – 1935. – 30 сент.
6. Киргизский народный эпос «Манас. Начало «Великого похода» (Поход богатыря Манаса на Пекин Великий) / Пер. и лит. обработка проф. Е.Д. Поливанова [Текст] // Сов. Киргизия. – 1935. – 24 дек.
7. Рассказ Алмамбета о своем происхождении: Отр. из эпоса «Манас» (Вольная лит. обработка проф. Е. Поливанова) [Текст] // Сов. Киргизия. – 1936. – 6 июня.
8. «Манас» Великий поход «Чон казат»: Начальный отрывок «Великого похода» (начало главы «Заговор семи ханов против «Манаса») / Пер. с кирг. Е.Д. Поливанова [Текст] // Лит. Узбекистан. – 1936. - №4. – С. 48-53.
9. Манас. 1. Из рассказа Алмамбета о своем происхождении. 2. Наказ Алмамбета Манасу. 3. Самое начало «Великого похода» / Пер. Е. Поливанова [Текст] // Лит. Узбекистан. – 1936. - №2. – С. 152-156.
10. Поливанов Е.Д. О принципах русского перевода эпоса «Манас» [Текст] / Е.Д. Поливанов // «Манас» героический эпос киргизского народа. – Ф., 1968. – С. 56-75.
11. «Манас»: Кирг. нар. Эпос: Главы из Великого похода» / Пер. С. Липкина, М. Тарловского [Текст] . – М.: Гослитиздат, 1941. – 160 с.
12. Манас: Кирг. эпос. «Великий поход» / Пер. С. Липкина, Л. Пеньковского, М. Тарловского [Текст] . – М.: Гослитиздат, 1946. – 371 с.
13. Семетей. Сейтек // Антология киргизской поэзии [Текст] . – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 48-61.
14. Завещание Манаса: Отр. из эпоса «Манас» / Пер. и предисл. С. Липкина [Текст] // Дружба народов. – 1958. - №10. – С. 243-245.
15. Манас: Эпизоды из кирг. нар.эпоса / Пер. С.Липкина, Л. Пеньковского [Текст] . – М.: Гослитиздат, 1960. – 310 с.
16. Рябченко А. А. Надежда [Текст] / А.А. Рябченко // Мозаика: Сборник прозы и поэзии «Мозаика» общ. фонда «Аржанг» — Бишкек: Алтын Принт, 2013. — 502 с.
17. Хлыпенко Г. Русскоязычный «Манас» Мара Байджиева [Текст] / Г. Хлыпенко // Байджиев М. Сказания о Манасе, Семетее, Сейтеке: Поэтич. переложение трилогии киргизского эпоса «Манас». – Б.: КРСУ, 2011. – 245с.

*Супранкова Татьяна Сергеевна
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)*

МОТИВЫ ФАУСТИАНЫ В «ЛЕГЕНДЕ О БЕДНОМ ДЬЯВОЛЕ И ОБ АДВАКАТАХ САТАНЫ» В. КОРОТКЕВИЧА

Summary. The article is dedicated to the influence of the Faust-concept's toposes upon "The legend about the Devil and about Satan's Lawyers" by the Belarisian playwright Ul. Karatkievich. The study of the world culture's classics helps to form the civic and patriotic values among the students, so first of all, the emphasis is placed on those images and motives that participate in the intercultural communication.

Ключевые слова: фаустиана; Вл. Короткевич; «Легенда о бедном дьяволе и об адвокатах Сатаны»; белорусская литература; межкультурная коммуникация.

Keywords: *faust-concept; Ul. Karatkievich; «The legend about the Devil and about Satan's Lawyers»; Belarussian literature; intercultural communication.*

Владимир Короткевич был одним из тех белорусских мастеров слова, кто сам подчеркивал органическое влияние на свое творчество классики мировой литературы. Как критик он выступал со статьями об отечественных просветителях Скорине, Купале, Коласе и о классиках мировой литературы Байроне, Гёте и др. Он очень хорошо чувствует включенность отечественного искусства слова в мировой процесс, стремится подышать «животворным», «высоким воздухом гётевских вершин», восхититься звучанием стихотворения мирового классика и сделать его «нашим» (белорусским). Под последним действием Короткевич всегда в критических работах подразумевает прежде всего хороший и качественный перевод текста с языка оригинала, а также переложения, посвящения, переработки отдельных топов, идей, мотивов в собственном творчестве.

Надо отметить, что в литературном наследии В. Короткевича фаустианские мотивы разрабатываются во многих произведениях прозаического жанра, лирике, это отдельные аллюзии либо целые фабульные переложения (см.: [8]). Он является одним из первых критиков белорусского перевода «Фауста», выполненного Василием Сёмухой. В эссе «И наш “Фауст”», которое впервые было опубликовано в пятом номере журнала «Маладосць» за 1978 год (через два года после выхода в свет перевода), писатель так определяет цель своего исследования: «<...> это эссе не рассуждение о том, чего стоит эта вещь, а просто несколько мыслей о переводе “Фауста”, о нашем белорусском “Фаусте”» (здесь и далее перевод с белорусского наш. – Т. С.) [3, с. 417].

Выдающийся знаток национальной и мировой литературы, Вл. Короткевич замечает, насколько важным для белорусского читателя было получить знаменитый шедевр на собственном языке. Белорусы были знакомы уже с русскими переводами М. Холодковского и Б. Пастернака, которые издавались и в наших типографиях, но насколько более значимым событием для отечественного литературоведения был выход пересозданного по-белорусски «Фауста», свидетельствуют следующие размышления писателя: «много лет я знал о том, что человек, о котором я сегодня говорю, переводит одну из величайших поэм земли на белорусский язык. Я знал Василия Сёмуху давно, он был редактором одного из моих произведений и честно старался сделать его лучше. < ... > Перевод “Фауста” вещь, пожалуй, невозможно-сложная. Идти по тропам Гёте – как сломя голову. Дышать живительным, но высоким воздухом его горных вершин может не всякий.

И еще один повод для тревоги. Я рискну сказать, что перевод такой вещи – оценка зрелости литературы, оценка того, что поток ее безудержен. Не может полнокровно жить литература без Шекспира, Данте, Гёте, которые звучат на ее языке. Первый у нас есть. Второго пока что нет. Третий – только что появился.

И вот перевод прочитан до последней страницы. Из груди вырывается вздох облегчения... Выдержали... И все мечты юности когда-нибудь взяться за него самому отпадают. Тяжелая работа выполнена досконально, и после нее все твои попытки будут просто ненужными...» [3, с. 407]. Но не выполнив собственный перевод, писатель смог достичь другого – создать своего, белорусского Фауста, особенного и самобытного. Самым удачным и ярким переосмыслением мировой, в том числе и гётевской фаустианы, на наш взгляд, является «Легенда о бедном дьяволе и об адвокатах Сатаны» (1961), текст которой впервые был напечатан в 1994 году в журнале «Беларусь».

Как и в «Фаусте» И. В. Гёте, так и в «Легенде...» неоднозначна жанровая характеристика произведения. Традиционно первый называют трагедией, что указано в подзаголовке («Faust. Der Tragödie erster Teil»). Как считает исследовательница Н. С. Лейтес, «Фауст» создавался в переломную историческую эпоху и явился синтезом различных жанров: моралите и мистерии, миракля, эпической поэмы, трагедии, философской, мещанской, исторической драмы, рыцарского романа, фарса, классической комедии, маскарадного действия, волшебной оперы (см.: [5, с. 31]). Различные исследователи отмечали близость «Фауста» различным жанрам: Н. С. Лейтес видит связь произведения с жанром интеллектуального романа с экспериментальным сюжетом, В. М. Жирмунский – с монодрамой и др. (см.: [5, с. 43]), но сам Гёте определял жанр «Фауста» как драматическую поэму, в которой грандиозность охвата действия и глобальность поднятых проблем сочетаются с драматизмом и даже лиризмом (см.: [6, с. 352–353]). Мы можем наблюдать в этом произведении синтез всех трех литературных родов – эпоса, лирики и драмы.

Жанр «Легенды о бедном дьяволе и об адвокатах Сатаны» определяется с самого начала: в заголовке и во вступительной части (мистерия с интермедиями), что сразу указывает на эстетику

романтизма (легендарный характер, апелляция к средневековым жанрам). Мистерия концентрирует внимание на тайне, а интермедия указывает на то, что в произведении будет представлен и реалистичный пласт, это своеобразное смешение мира земного и мистического, что сразу же заметно с первых строк. Белорусский писатель и литературовед Сергей Ковалев выделяет в «Легенде...» одновременно и специфику жанра фэнтези: «в белорусской литературе предыстория этого жанра также достигает XIX века (“Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах” Яна Борщевского), в более поздние времена элементы фэнтези можно найти в произведениях Вацлава Ластовского (“Лабиринты”) и Владимира Короткевича (“Ладья отчаяния”, “Легенда о бедном дьяволе и об адвокатах Сатаны”))» [2, с. 169]. Произведение В. Короткевича также сочетает в себе черты эпичности, драматургии и лиризма: в фабулу включено много лирических отступлений, а действие охватывает большой временной и географический пласт, о драматургической составляющей ярко свидетельствует тот факт, что автором был создан также киносценарий, а НАДТ им. М. Горького поставил пьесу в 2007 г. (реж. Б. Луценко).

Особого внимания заслуживает и специфика художественной системы мироздания, созданная обоими авторами. Хронотоп Гёте – вся Вселенная: завязка начинается в «Прологе на Небе», действие охватывает разные эпохи истории человечества (как в конкретной Германии, так и в условном мире), финал – вместо ада, в который хотел забрать душу Фауста Мефистофель, – небеса. Для Короткевича небо и земля находятся в одной системе координат, точнее, земля, улучшенная человеком, может стать раем, поскольку иначе она превратится в земной ад («об изгнанных из одного ада в другой» [4], как обозначается во вступлении). Создавая подобный макрокосм, Вл. Короткевич интерпретирует таким образом вывод Фауста о смысле и предназначении жизни человека и человечества. Для обоих авторов это действие направлено в будущее и для данного вывода характерно сослагательное наклонение, ведь все зависит от позиции человека и его действий на благо человечества. Эти реплики, вложенные в уста главных героев, Фауста и Рогача, звучат в финале как мудрый завет и наставление читателю:

Гёте «Фаўст»	Короткевич «Легенда...»
<p>Вот мысль, которой весь я предан, Итог всего, что ум скопил. Лишь тот, кем бой за жизнь изведан, Жизнь и свободу заслужил. Так именно, вседневно, ежегодно, Трудясь, борясь, опасностью шутя, Пускай живут муж, старец и дитя. Народ свободный на земле свободной Увидеть я б хотел в такие дни. Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье! О, как прекрасно ты, повремени! Воплощены следы моих борений, И не сотрутся никогда они». [1, с. 455].</p>	<p>Но ада под землей не будет... А земной ад мы тоже уничтожим [4].</p>

Еще одним показательным моментом является то, что Короткевич, как и Гёте, местом и временем конкретного действия, которое происходит на земле, точнее, на родине, выбирает шестнадцатый век, эпоху Возрождения, когда мир стоял на пороге Нового времени.

Главный герой легенды проходит путь от черта к человеку, от Мефистофеля до Фауста: Рогач – он же Андрей Рогач, он же магнат Андроник Рогинский, он же король Андроник I. Вслед за Томасом Манном Короткевич создает в лице одного персонажа Фауста-Мефистофеля. Здесь можно также увидеть аллюзию на идею о сверхчеловеке Ф. Ницше, а также и на концепт человека западноевропейской цивилизации О. Шпенглера в «Закате Европы» (см.: [7]). Важное место в «Легенде...» отведено теме двойничества (которая навеяна романтизмом). Мотив этот затрагивает не только главного героя, но и его возлюбленную (Дубравка, она же и королева Агата) и др. персонажей.

Заметим, что основное, чему вопреки желаниям Сатаны и ада учится Рогач, тождественно мефистофельскому злу, из которого образуется добро. В легенде именно он порождает свет, из черта превращается в человека, стремится сделать мир лучше. Поэтому автор «Легенды...» так удачно играет на контрасте начала, представленного адом и мрачными зарисовками на земле, где также царит адский огонь войн, и конца, когда описывает тот земной рай, который способен создать тот, кто любит свою родину.

В сцене «Кухня ведьмы» Фауст меняет физический облик: с шестидесятилетнего ученого он становится тридцатилетним, Гёте возвращает его в возраст духовной зрелости, когда человек полон жизненных сил и уже имеет какой-то жизненный опыт, готов к новым свершениям. Рогачу также придают человеческий вид: «... стоит перед зеркалом. И вот постепенно белеет его облик. Черная шерсть волос превращается в волнистый золотой лен. Зубы становятся ровными. Глаза – большими и синими...» [4] Перед нами также полный жизненной энергии персонаж, которому суждено сделать много выборов на пути к познанию истины. Здесь также можно увидеть концепт «смерти и воскрешения», центральный у Гёте.

Прямые аллюзии на «Фауста» И. В. Гёте присутствуют при описании кабинета Сатаны: «приемная Его Величества Сатаны... кабинет, похожий на кабинет доктора Фауста. Дубовые шкафы, реторты, книги, прикованные цепями к столу (чтобы избежать искушения). Сова. Спит черный кот. Картотека» [4]. В адских университетских аудиториях также изучают “Фауста”, где “в искаженном виде подается положительный образ Мефистофеля”» [4]. Кстати, мефистофелевское можно увидеть и в описании обитателей ада: «подземельями ада двинется марсианская делегация. Возглавляет ее дьявол с наивно-сентиментальными глазами. В речи отчетливо чувствуется швабский акцент. Ведет делегацию Сатана. Сейчас у него бессовестные манеры профессионального гида» [4]. В огромном зале с органом исполняется «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, где представлен шабаш ведьм (аллюзия на «Вальпургиеву ночь» из «Фауста»), а Рогач, как и Фауст, обращается к духу земли.

Как и многие писатели двадцатого века, Владимир Короткевич также оказался причастен своим творчеством к тематике фаустианы, создав самобытные и неповторимые интерпретации. Ярким проявлением ее становится «Легенда о бедном дьяволе и об адвокатах Сатаны», где на уровне композиции, сюжетных ходов, образов можно увидеть аллюзии и реминисценции на «Фауста» И. В. Гёте, а также и интерпретаций мировой фаустианы более поздних культурно-исторических эпох (Т. Манн «Доктор Фаустус», О. Шпенглер «Закат Европы» и др.).

Литература

1. Гёте, И.В. Фауст / И.В. Гёте; пер. Б. Пастернака – М.: Издательство «Художественная литература», 1969. – 509 с.
2. Кавалёў, С. Раман Нікі Ракіцінай *Ганітва* ў кантэксце развіцця жанру фэнтэзі ў беларускай літаратуры / С. Кавалёў // Беларусазнаўчыя даследаванні. – 2016. – № 10. – С. 169–181.
3. Караткевіч, Ул. І наш Фаўст / Ул. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. Т. 8. Кн. 2. З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв’ю, летапіс жыцця і творчасці / Ул. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – С. 407–417.
4. Караткевіч, Ул. Легенда аб бедным д’ябале і аб адвакатах Сатаны [Электронны рэсурс] / Ул. Караткевіч. – Рэжым доступу: https://royallib.com/book/karatkevch_uladzmr/legenda_ab_bednim_dyable_-_advakatah_satani.html. – Дата доступу: 10.12.2020.
5. Лейтес, Н.С. «Фауст»: типология жанра / Н.С. Лейтес // Гётевские чтения 1991. М., 1991. С. 31–43.
6. Синило, Г.В. История немецкой литературы XVIII века: учеб. пособие / Г.В. Синило. – Минск: БГУ, 2012. – 400 с.
7. Супранкова, Т.С. Ідэя аб звышчалавеку ў генезісе нямецкай і беларускай культур / Т.С. Супранкова // Культура. Наука. Творчество: XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 мая 2018 г.: сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств; редкол.: А.А. Корбут [и др.]. – Минск: БГУКИ, 2018. – С. 557–562.
8. Супранкова, Т.С. Фаўсціяна ў творчасці Ул. Караткевіча / Т.С. Супранкова // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 900-годдзя Кірылы Тураўскага і 200-годдзя Тараса Шаўчэнкі: матэрыялы XI Міжнароднай навук. канферэнцыі, Мінск, 24–26 кастрычніка 2013 г.: у 2 ч. / пад рэд. Т.П. Казакавай. – Мінск: БГУ, 2013. – Ч. 2. – С. 228–233.